

Каглаф Кейдер

ИЗ-ЗА ПРЕДЕЛОВ — В ПРЕДЕЛЫ

ТУРЦИЯ В ЕВРОПЕ

1. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Отношения между Турцией и Европой всегда колебались между включенностью и исключенностью. Религиозные различия играли свою роль всегда, но это не мешало туркам нанимать на государственную службу византийских князей и венецианских вельмож. В начальный период султаната его правители притязали на мантию Византии и видели свои земли как Новый Рим, возникающую мировую империю. Теми же стремлениями характеризовалась и позиция Европы; и только после XVI века, и особенно в период Реформации, турки стали восприниматься как постоянно присутствующий другой.

В европейское сознание постепенно проникало представление о том, что турки держат под ярмом христиан, и те должны быть освобождены. После этого единственным типом отношений с турками могла быть только сегрегация и изоляция, даже если соображения целесообразности требовали временных компромиссов. Хотя XIX век дал примеры более «реалистического» отношения к Турции со стороны великих держав, определяющим в том, как европейцы понимали ее, оставались исключение и более-менее постоянная готовность к войне. Все это не представляло проблемы в изолированной Империи, но в середине XIX столетия реформистская бюрократия разработала модернизационный проект. Именно в этот момент столкновение с Европой — символом модернизации — стало представлять собой проблему. Турецкая элита почувствовала необходимость испытания по европейской мерке — стремление, продолжавшее существовать и в период республики. Несмотря на постоянные напоминания массам, что их славное прошлое не хуже европейского, плохо скрытое переживание элитой своих недостатков передалось простым людям и стало разделяться ими. При таком положении вещей мнение Европы приобрело непропорционально большое значение. Положительного отклика добивались не только от государственных деятелей, но и от обычных путешественников и старлеток. Каждый футбольный матч становился испытанием национального достоинства, а каждое проявление неуважения — поводом для обиды. Турецкая идентичность

оказалась сложным образом связанной с этой постоянной проверкой «европейским жюри».

Только когда влияние элиты на национальную душу ослабло, личность стала развиваться, соединяя такие части как этническое многообразие и религиозные чувства в качестве аутентичных компонент современной идентичности. Вместо того, чтобы смотреть на себя через европейские очки, турки стали постепенно приобретать доверие к собственной истории и действительности. По мере того, как эти измерения выходили из-под спуда, моральная потребность в одобрении со стороны Европы убывала. Но на повестке дня появилась другая потребность. Когда в 1970-х годах произошел крах политики развития, Турция вступила в длительный период бесцельного блуждания. Экономическое продвижение застопорилось, политические реформы оставались далекой целью, коррупция усиливалась. Политики оказались ни к чему не способны; ряд наивных попыток создания альянсов — с государствами Среднего Востока, с соседями по Черному морю, с тюркской цивилизацией — кончились разочарованием. Не было лидера, способного указать направление движения: правилом стало мелкое политиканство, когда одни и те же фигуры бесконечно тасовались в разнообразных правительственных коалициях партий, обслуживающих чьи-то интересы. В этой ситуации перспектива вступления в Европейский Союз возникла как единственный проект, способный получить массовую поддержку. Вот почему отношения с Европой опять вышли на передний план общественного внимания.

В глазах большинства вхождение в ЕС представляет собой прагматическую цель с ожидаемой выгодой как в материальном, так и в идеологическом плане. Путь к членству в ЕС должен привести к политическим и экономическим реформам, уничтожить коррупцию, реабилитировать закон и придать определенную стабильность повседневной жизни. Эти ожидания снова привели к тому, что турки стали приглядываться к ходу событий в Европе в отношении перспектив их кандидатуры, и к тому, как в Европе относятся к вопросу о расширении союза. Но здесь их ждало разочарование. После окончания холодной войны, в эпоху которой границы Европы совпадали с линией, где проходил «железный занавес», эти границы стали определяться по линии цивилизационного разделения — понимаемого как разделение религиозное. Западная Европа быстро объединилась со своей долго находившейся в другом мире восточной частью, и границы Европы стали проводиться согласно предполагаемой культурной близости, а не политической целесообразности. Опять зазвучал вопрос «где заканчивается Европа?», снова ожививший дискуссию о проблематичности включения Турции в Европу — дискуссию, заставляющую Турцию чувствовать себя отвергнутым поклонником.

Ни членство в НАТО, ни включение в Общий рынок не были знаком признания культурного родства. Скорее, эти решения оказались продиктованы интересами, которые были в высшей степени «либеральными»,

то есть чисто рациональными. В самосознании ЕС, однако, есть некая неопределенность.

Хотя культурная общность не провозглашается компонентом определения ЕС, нормативное определение Союза четко не прописано, и такое определение даже не ставится как цель. По мере развития Союза его самоопределение прошло несколько этапов: от образования сверхгосударства, основанного на общей идентичности, до конституционно обеспеченной ассоциации, являющейся знаком возникновения новой модели политического единства — отличного и от национального государства, и от объединения на исключительно экономической основе. Хотя обсуждение природы ЕС, очевидно, включало в себя и вопрос отношения к вхождению в него Турции, дискуссия о членстве Турции стала одновременно поводом для дебатов о природе ЕС. Высказаться о том, может ли быть включена Турция в ЕС, означает высказаться о своем видении этого союза. Процесс вхождения в ЕС новых членов, если он дойдет до включения страны Восточного Средиземноморья, находящейся за пределами европейской культурной сферы, «разорванной» страны, как говорит Хантингтон (Huntington, 1996), станет отрицанием той точки зрения, что мир поделен на «цивилизации», в основе которых лежат неизменяемые культуры. В результате ЕС переопределит себя и станет уже не цивилизационным проектом, а ассоциацией, основанной на конституционном единстве.

И наоборот — даже если ЕС не определяет себя по критерию культуры, природа Союза требует отказа от части суверенитета и значительных усилий по выравниванию политических и законодательных норм и, следовательно, институционального оформления идентичностей. Если Турции придется проходить трансформацию отношений между государством и обществом, предполагаемую подобным выравниванием, это будет означать глубокий пересмотр национального проекта и совершенно новую ситуацию, в которой «национальная» идентичность может быть поставлена под вопрос. И для турков не является очевидным, что то, что они понимают как свою национальную идентичность, может быть принесено в жертву стремлению стать европейцами, при том что большинство населения не понимает, что это означает (Gunes-Ayata, 2003). Даже первые шаги на пути исполненных благих побуждений попыток войти в ЕС, стали для турецкого общественного мнения чем-то загадочным и в конечном счете вызывающим сопротивление.

Показательным было замечание президента Ширака, когда в конце 2004 года, в самый разгар споров в Европе, он сказал, что Турция и Европа — «обе были детьми Византийской империи». Это было важное заявление в пользу включения Турции на основании общего исторического происхождения. Еще раньше Романо Проди высказался в пользу вхождения Турции, но по совсем другим основаниям, он сказал, что задачей ЕС должно стать восстановление Римской империи. Ширак имел в виду не империю без претензий на культурную гомогенность, а нечто более сложное — новый взгляд на историю с целью включения Турции в общее культурное наследие Евро-

пы. Комментарий Проди не имел отношения к культуре и даже к отождествлению Европы с Римской империей, а скорее, указывал на стремление расширить понимание географии ЕС.

Хотя поддержка президента Франции была с радостью воспринята в Турции, комментаторам, вероятно, было не просто согласиться с ее идеей. Турецкая национальная идентичность развивалась как раз под знаком откровенного игнорирования очевидного наследия, связанного с географией. Школьников учили, что они являются наследниками воинов Центральной Азии, завоевавших христианскую империю. Анатолийцы были поражены, когда историки показали, что прошлое Анатолии простирается далеко за пределы XI столетия, к Византии, Риму, грекам и хеттам. Националисты и кемалисты заставили людей поверить, что независимость Турции была завоевана в борьбе против великих государств Европы.

И школьникам, и обычным людям никогда не позволяли забывать неумолимую враждебность Запада, когда при расширении своих колониальных империй он пытался раздробить Турцию. В конце концов, Турция была символом «другого» в определении исторической уникальности Европы, и снисходительное отношение к Востоку всегда откровенно сквозило в европейском мировоззрении. Это привело к еще более неприкрытому недоверию, когда гастарбайтеры, приехавшие из анатолийских деревень, были встречены в Германии и других странах с открытой настороженностью, граничащей с презрением. Только в 1980-х годах, с постепенной интеграцией турецкой диаспоры в Европу, увеличением числа контактов, особенно благодаря туризму и футболу, и связям, образовавшимся, когда возник вопрос о вхождении Турции в ЕС, пропасть начала постепенно уменьшаться, а лицо Европы становится не таким суровым.

II. ЭТАТИЗМ

Данная ситуация, соединяющая в себе влечение и обиду, полна очевидных противоречий. С одной стороны, налицо сильное желание стать частью «современной цивилизации», как призывал людей Ататюрк. С другой стороны, существует стремление отрицать общность и отстаивать свою инаковость. В периферийных обществах, проводящих модернизацию посредством создания национального государства, пример Турции был наиболее показательным в той мере, в какой предполагал открытое уравнивание модернизации и вестернизации. Элита взяла на себя ответственность за проведение модернизации общества; для этого она насаждала этатистский национализм и предпринимала настойчивые усилия для низведения как религии, так и всякого партикуляризма (под которым понимались культуры, отличные от одобренных государством) к сфере частного (о дискуссиях по формированию турецкого национализма см.: Keyder, 2005). Она смотрела на поползновения к автономизму, возникающие в обществе, со скепсисом; экономический и политический либерализм, равно как и приверженность к альтернативным идентичностям, рассматривались как угроза основно-

му проекту вестернизации. А этот проект оказался в кризисе после окончания холодной войны. Кроме новой волны демократизации и внимания к правам человека, укрепляющаяся глобализация законодательства и предписываемая различными надгосударственными соглашениями политика приверженности экономическому либерализму— все эти факторы привели к тому, что государство больше не могло сохранять свою позицию опекуна над обществом (Keyder, 1997; Brewin, 2003).

Модель, предполагаемая целями республики, была моделью социальной солидарности, обеспечиваемой органическим государством. Это положение будет более понятно, если вспомнить, что турецкая государственная модель была построена по модели Южной Европы и разделяет с нею многие особенности; кроме того, это государство достигло своей зрелой формы в межвоенный период. А в странах Южной Европы ход модернизации тоже характеризовался сложными отношениями между притяжением и отталкиванием того, что рассматривалось как северная версия модернизации. В Испании, Португалии, Италии и Греции государственные деятели с настороженностью относились к заимствованию северной модели социального порядка, основанной на индивидуальной автономии. В конце 1960-х годов, когда закладывались основы Европейского сообщества, из стран Южной Европы фактически только Италия «освободилась» от опеки коммунитарного государства— причем благодаря внешнему воздействию. Конец этатистских режимов в Испании и Португалии, возникших там в межвоенный период, совпал с экспансией «северной» экономики. Так что, когда обсуждался вопрос их вхождения в Европейское сообщество, в этих странах сформировались значимые социальные силы— ориентированные на Европу буржуазия и интеллигенция, создавшие внутреннюю поддержку для такого включения (Poulantzas, 1975). Греция после семи лет безоговорочного антилиберализма, характерного для военного режима «черных полковников», представляла собой наиболее слабый пример в смысле сил «либеральной» фракции среди предпринимателей и интеллигенции: этатистские настроения политического и религиозного истеблишмента были по-прежнему сильны. Тем не менее идеологические интересы, связанные со специфическим пониманием европейского культурного наследия и опасения оказаться за пределами «Европы» перевесили все сомнения. Европа расширилась до Средиземноморья.

Вопрос, встающий после сравнения с Южной Европой, состоит в следующем: почему в Турции не потерпели поражение силы, связанные с этатизмом, для которых была характерна антипатия к либерализму? В 1980-х годах можно было полагать, что Турция идет по пути, уже пройденному другими южноевропейскими странами, что социальные силы, выступающие за сближение с Европой, становятся все влиятельнее. Это было время, когда государство ослабило свой контроль над экономикой, а гражданское общество переживало расцвет после падения в 1983 году военного режима. Возникли новые политические партии, провозглашавшие свою приверженность экономическому и политическому либерализму, СМИ расцвели после десятилетий государственной монополии на информацию, организации граждан-

ского общества, выражавшие различные интересы и стремления, возобновили публичные дебаты. Разрыв в уровне доходов между Турцией и (южной) Европой не был таким глубоким, как сегодня. Изменения, происходившие на планете, отражались в стиле жизни среднего класса в больших городах, и СМИ стали медиатором и зеркалом этих изменений. Либерализм стал, казалось бы, одной из главных составных частей официальной политики. Однако на первых порах, несмотря на ослабление государственного контроля над экономикой, турецкая буржуазия оказалась не готова выработать независимый курс, чувствуя, что в случае вступления в ЕС ей придется отказаться от легких прибылей на защищенном рынке и от государственных субсидий. Только в 1995 году, после множества споров и колебаний, Турция смирилась с подписанием соглашения о таможенном союзе с ЕС. В отличие от ситуации, сложившейся в странах Южной Европы перед их вступлением, турецкое общество в 1980-х годах так и не смогло выдвинуть социальные силы, достаточно влиятельные, чтобы склонить чашу весов в пользу ЕС, а не политического, экономического и культурного доминирования государственнической модели.

Именно в тех условиях угроза, представляемая исламским фундаментализмом и курдским национализмом, встала на повестку дня и стала использоваться государственной элитой как предлог для новой консолидации авторитарных составляющих национальной идентичности. Государство стало больше настаивать на необходимости национального единства; националистическая риторика усилилась, кемалистская мантра стала повторяться еще чаще (Jung and Piccoli, 2001). В ситуации ретроградного и сильного государственного аппарата Европейский Союз и давнишние претензии Турции на вступление стали играть новую роль в турецкой политике. Оппозиционные группы, понявшие что они не обладают ресурсами и возможностями для мобилизации сил общества на противостояние государству, стали рассматривать процесс приобретения статуса кандидата как единственный путь развития демократии, укрепления роли закона и расширения плюрализма. К концу 1990-х исламское и курдское движения, активисты-правозащитники и в целом — группы, стремящиеся к усилению гражданского общества, стали призывать к быстрейшему выполнению условий, необходимых для приобретения статуса кандидата на вступление в ЕС.

Левая интеллигенция, бывшая в предыдущее десятилетие типичным образцом интеллигенции Третьего мира, тоже превратилась в либеральную, европейского типа социал-демократию и стала пылкой сторонницей включения в Европу. Наконец, более этаблированная крупная буржуазия, промышленники Стамбула, представленные влиятельным союзом предпринимателей TUSIAD, стала лоббировать политические реформы как то, что необходимо для вступления в ЕС. Развитие связей с остальным миром и разочарование Анкарой привело эту крупную буржуазию в конечном счете к тому, чтобы занять независимую позицию по таким вопросам, как права человека и эксцессы официальной историографии, излагаемой в учебниках. Защита такой позиции под предлогом необходимости быстрого выполне-

ния условия для вступления в ЕС была разумным выбором для всех партий. Опросы общественного мнения в этот период свидетельствовали о твердой поддержке большинством населения (более двух третей) проекта вступления в ЕС, свидетельствуя о стратегическом выборе в пользу реформирования турецкого государства посредством укрепления позитивных тенденций и престижа европейского проекта.

Эти тактические позиции стали возможны потому, что государственная элита и политики, несмотря на то, что их конкретные действия противоречили этому, продолжали выражать свою приверженность европейским идеалам. Отказ от вступления никогда не рассматривался как возможный вариант. Скорее, государственная элита и политики были вполне удовлетворены неопределенным статусом, вследствие которого Турция могла оставаться вечным кандидатом, а ЕС — ненадежным и в конце концов ненужным объектом желания. Иными словами, амбивалентный статус Турции — не в Европе и не вне ее — отвечал интересам госэлиты в ее желании увековечить неопределенность, в условиях которой политические реформы можно было не доводить до конца. Патовое положение, кроме того, давало возможность обосновывать ту часть рассуждений националистов, в которой констатировалось, что Европа строится почти исключительно на христианских культурных основаниях, вследствие чего Турция никогда не будет принята, вне зависимости от того, каких успехов она добьется. Несмотря на понимание со стороны некоторых в ЕС, это была, однако, позиция, обреченная в конечном итоге на провал. Поскольку государственная элита провозглашала свою приверженность европейскому проекту, призыв к соблюдению «европейских» норм как тому, что необходимо для вступления в ЕС, оставался законным и сильным орудием критики со стороны той части гражданского общества, которая указывала на необходимость развития демократии, законности и прав человека.

В этой ситуации произошло неожиданное изменение позиции ЕС в пользу более серьезных шагов в отношении кандидатуры Турции. К середине 1990-х ЕС получил серьезное представительство здесь. Европарламентарии регулярно посещали области, где происходили конфликты, инспектировали тюрьмы и оказывали открытую поддержку правозащитным организациям. Офис ЕС в Анкаре финансировал проекты, нацеленные на усиление гражданского общества, контакты, установленные через НПО, охватывали

АМБИВАЛЕНТНЫЙ СТАТУС ТУРЦИИ — НЕ В ЕВРОПЕ И НЕ ВНЕ ЕЕ — ОТВЕЧАЛ ИНТЕРЕСАМ ГОСЭЛИТЫ В ЕЕ ЖЕЛАНИИ УВЕКОВЕЧИТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, В УСЛОВИЯХ КОТОРОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ МОЖНО БЫЛО НЕ ДОВОДИТЬ ДО КОНЦА

самые разные направления: от работы с бездомными детьми до спонсирования экологических групп. Официальные визиты должны были напомнить обществу, что специальные отношения между Турцией и ЕС по-прежнему существуют. Решения Европейского суда по правам человека обсуждались и стали приниматься как часть турецкой юриспруденции. Прежде изолированная турецкая политическая сцена наполнилась новыми, ориентированными на Европу взаимосвязями, и гражданское общество, политические партии и государственные органы обнаружили себя включенными в эти связи. В условиях наличия таких связей весы стали склоняться в пользу вступления: вступить стало казаться выгоднее, чем остаться за пределами ЕС.

III. ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА

Из-за своего нежелания поступиться политической властью, турецкая государственная элита завела себя в тупик в том, что касалось отношений с ЕС; и осознание этого подвигло ее задуматься над тем, до какой степени Турция привержена европейскому проекту (Sofos, 2000). Лицемерить и заниматься самообманом было более невозможно, и расчеты, основанные на постоянной неопределенности, стали неуместны. Соответственно, на первых порах открыто высказывалась оппозиция, особенно военные, но и представители бюрократии и судейской корпорации. Внезапно обнаружилось, что членство в ЕС повлечет за собой утрату суверенитета. Высший генералитет выражал мнение, что ЕС под предлогом защиты культурных прав хочет разделить Турцию по этническим границам, и ультра-правые были мобилизованы для защиты унитарных национальных структур, которым де угрожают требования ЕС, религиозные фундаменталисты и сепаратисты. Эта озабоченность «национальной безопасностью» разделялась также и правительством, представлявшим собой в то время пеструю коалицию под руководством премьер-министра Эцевита, остававшегося у власти до выборов в ноябре 2002 года. В ситуации противодействия со стороны государственной элиты и аморфности политического класса, членство в ЕС выпало из повестки государственной политики и находило выражение только в бюрократических процедурах, начатых после встречи в Хельсинки в 1999 году, где был утвержден статус Турции как кандидата.

Эта новая расстановка сил привела к необычным перегруппировкам. В начале процессов вестернизации, модернизационный импульс шел от государственной элиты, которая в этом отношении смотрела на массы с большим подозрением. Теперь же массы подталкивали государство к тому, чтобы скорее предоставить обществу большую свободу — в отношении прав меньшинств, религиозных свобод, в публичной сфере. Эта новая ситуация получила следующий импульс, когда Турция столкнулась в 2001 году с глубоким экономическим кризисом, бывшим, по общему мнению, результатом коррумпированного этатизма. СМИ и стамбульская буржуазия теперь присоединились к демократической оппозиции в констатации, что Турция это реликт старого мира и что фундаментальное реструктурирование отноше-

ний между государством и обществом посредством законодательной реформы, ответственность за которую лежит на политиках и высшей бюрократии, давно запоздало.

Проевропейские силы совершили решающий прорыв в ноябре 2002 года, когда выборы выиграла Партия справедливости и развития. Партия не только обещала добиваться вступления в ЕС, но и была единственной политической силой, не скомпрометированной связями с государственной элитой. Напротив, ее лидеры были аутсайдерами, и можно было не сомневаться, что они будут выполнять свои обещания. На самом деле еще до того, как партия сформировала правительство, ее лидер, Эрдоган, искал подходы к европейским капиталам в целях получения поддержки в том вопросе, чтобы переговоры о присоединении Турции к договору были включены в повестку саммита в декабре 2004 года. Впервые более чем за десять лет правительство было сформировано одной партией, поэтому лидер этой партии обладал возможностями и властью для исполнения обещаний по проведению реформ, не опасаясь (или скрывая свои опасения) саботажа со стороны партнеров по коалиции.

В ответ на это новое положение в стране «культуралистская» оппозиция в ЕС начала фронтальное и открытое наступление против кандидатуры Турции. До сих пор можно было ожидать, и даже с большой долей уверенности, что турецкая госэлита сама навредит себе, попирая права человека, нарушая политические требования ЕС и бесконечно откладывая решение. На самом деле, несмотря на свои протесты, государственная элита Турции была вполне удовлетворена «специальным статусом», предложенным немецкими христианскими демократами. Но новое правительство было серьезно настроено выполнить ранее данные обещания. Пришло время ЕС раскрыть свои карты. Брюссельские чиновники заявили, что не уверены в способности Партии справедливости и развития действительно поставить под контроль военных и судебскую корпорацию. Однако правительство Турции смогло провести через парламент ряд демократических постановлений, которые уменьшили ограничения свободы слова, усовершенствовали судебные процедуры против пыток и злоупотреблений со стороны полиции и предоставили право на использование своего языка курдскому меньшинству. Более того, Совет национальной безопасности, в котором доминируют военные, был поставлен под гражданский контроль.

Конечно, не очевидно, что гражданские добьются успеха в своих попытках поставить под контроль весьма влиятельную государственную элиту и особенно военных. После 17 декабря 2004 года, когда было официально объявлено о начале переговоров о присоединении, противники ЕС усилили националистическую риторику, заявляя, что вступление в союз приведет к утрате национальной самобытности, ислама и даже турецкой души — поскольку иностранцы скупают всю страну. Хотя все эти измышления достаточно легко опровергнуть как патологическую паранойю, тем не менее ясно, что предстоящие долгие годы переговоров (как ожидается, они продлятся, по крайней мере, до 2012 года) не будут простыми. Особенно потому,

что озабоченность турок сохранением своей самобытности наиболее ярко выражена на национальном уровне, и пока еще не сформирован воображаемый образ Европы, способный соревноваться с воображаемым образом национального сообщества (ср.: Armbruster, Rollo and Meinhof, 2003). Решающей здесь будет позиция ЕС в отношении к кандидатуре Турции: колебания усилят оппозицию, а устойчивый прогресс поможет консолидировать общественное мнение в пользу европейского проекта — как это произошло в странах Южной Европы.

IV. КОНСТИТУЦИЯ И КУЛЬТУРА

Telos европейской интеграции понимался по-разному: от создания зоны свободной торговли до построения сверх-государства. За прошедшее время какие-то варианты оказались отброшены, а какие-то переформулированы. То, какой представляется (*imagined*) теперь Европа, значительно отличается от представлений в тот момент, когда Турция впервые подняла вопрос о вхождении в ЕС в 1987 году; особое влияние на этот процесс оказало включение в союз бывших стран советского блока. Социал-демократы и зеленые больше правого центра привержены идее конституциональной Европы и больше верят в «цивилизационную миссию» Европы. Во время дебатов, предшествовавших саммиту в декабре 2004 года, депутаты Европарламента от зеленых были самыми верными союзниками проевропейских сил в Турции. Политическая ситуация последних нескольких лет, характеризующаяся постоянным увеличением количества представителей стран Южной Европы в руководящих органах ЕС, тоже благоприятствовала принятию Турции. Политики Южной Европы заинтересованы в другой карте Европы, в большей степени ориентированной в сторону Средиземноморья, и, особенно после включения стран Восточной Европы, Турция символизирует для них другое направление расширения, призванное уравновесить экспансию на север. Общественное мнение в южноевропейских странах тоже, очевидно, больше поддерживает кандидатуру Турции, чем общественное мнение на севере.

Вопрос о включении Турции сопровождается многочисленными дискуссиями о географических и культурных основах идентичности Европы. Культурные различия часто становятся темой этих дебатов, прежде всего благодаря ушедшим с официальных должностей политиками правого центра и чаще других благодаря Жискару Д'Эстену. Но превалирует представление об идентичности Европы как о том, что основано не столько на культуре, сколько на новом цивилизационном проекте политического сообщества, определяемого через приверженность общему набору основополагающих принципов. В то время как дебаты о природе ЕС имеют подтекстом вопрос об отношении к членству Турции, обсуждение возможности этого членства становится, в свою очередь, поводом для дискуссии о природе и границах ЕС (Sjursen, 2000). Те, кто поддерживают принятие Турции, хотели бы расширения ЕС за пределы европейской культурной сферы. Подобное расширение

не только бы служило опровержением тому утверждению, что мир поделен на «цивилизации», основанные на приоритете неизменяемых культур (ср.: Huntington, 1996), но и сделало бы ЕС жизнеспособной альтернативой мировому порядку, агрессивно продвигаемому с другой стороны Атлантики.

Изменение отношения к Турции в ЕС не было вызвано изменениями в общественном мнении. В большей степени это было результатом нового мышления на уровне Совета и Комиссии, в которых вследствие осознания сложившейся после холодной войны географии вынуждены были признать, что ЕС должен расширяться, что ЕС — это не столько развитие структур супер-государства, но нечто более близкое к дифференцированной империи. Долго обсуждавшиеся формулы — изменяемая геометрия, три скорости гармонизации — теперь получили более конкретный смысл. В уставе ЕС нет ничего, что исключает возможность неограниченного расширения; ограничения исходят, скорее, изнутри. Конвенция ЕС, призванная по идее ясно определить природу союза, дает возможность для разных толкований. На деле есть две реальные возможности: ЕС как федерация основанных на принципах общности культуры гомогенизированных национальных государств или ЕС как гражданская и конституциональная организация с дифференцированными частями и их значительной автономией (Delanty, 1998; Tully, 2002).

Первый вариант требует большей унификации и сплочения вокруг общих базовых ценностей и наследия, прежде всего, христианского. Это будет Европа-крепость, стремящаяся защитить свою уникальность и привилегии. Однако этот вариант не даст надежды и какого-либо альтернативного проекта для народов, оставшихся вовне, поскольку объединенная вокруг единой культуры Европа будет закрыта и озабочена не расширением, а укреплением.

Второй вариант — это возможность нового типа политического устройства, конституированного не захватом, а добровольной приверженностью стран-членов Союза его законам. Когда главным источником привлекательности и легитимации является закон, школьникам не надо читать о «нашем христианском наследии» или даже о «наших предках римлянах». Европа может быть образована на основе спокойного, беспристрастного, тщательно оцененного членства, которое является результатом обдумывания и выбора, основанного на интересах и анализе. Этот анализ может включать в качестве одного из своих факторов моральный идеал, представленный «европейским» порядком социальной демократии, при котором культурные ценности выражаются в секулярных понятиях, связанных с законодательными, политическими и экономическими процессами и с намечаемыми целями.

Ситуация в мире, конечно, играет свою роль в таких расчетах. На момент написания этой статьи распространены опасения, что США дискредитируют себя неадекватным поведением и подвергнутся почти полной изоляции. Перед лицом возможности такого развития событий чиновники ЕС вполне могут склониться к варианту, обсуждавшемуся во время дискуссий о кандидатуре Турции: политическая инициатива и маневры в отношении ислам-

ского мира, если Турция станет членом ЕС. Если у ЕС есть проект предъявить Союз в качестве альтернативы односторонности США, то расширение в сторону ключевого региона мира имеет важный смысл. Оптимистический сценарий на ближайшую перспективу состоит в том, что все государства ЕС будут тяготеть к старой стратегии Европы по созданию цивилизационной альтернативы; этот сценарий предполагает возможность включения в союз тех, кто ждет за пределами крепости, в «faux bourgeois», если они добьются доверия, необходимого для такого включения. Несомненно, что с геополитической точки зрения и, что еще более важно, по причине перспективы принятия преимущественно мусульманской нации, Турция представляется необходимой составной частью такого сценария — хотя бы потому, что она первой из числа других кандидатов, расположенных за пределами ЕС, заявила о своем желании стать членом Союза.

Перевод с английского Владислава Софронова

- Caglar Keyder. Moving in from the Margins? Turkey in Europe//Diogenes 210: 72-81.
- Armbruster, Heidi, Rollo, Craig and Meinhof, Ulrike (2003) 'Imagining Europe: Everyday Narratives in European Border Communities', *Journal of Ethnic and Migration Studies* 29 (5): 885-900.
- Brewin, Christopher (2003) 'A Changing Turkey: Europe's Dilemma', *Journal of Southern Europe and the Balkans* 5 (2): 137-45.
- Delanty, R. (1998) 'Social Theory and European Transformation: Is there a European Society?', *Sociological Research Online*, 3 (1). <http://www.socresonline.org.Uk/socresonline/3/1/I.html>.
- Gunes-Ayata, Ayse (2003) 'From Euro-scepticism to Turkey-scepticism: Changing Political Attitudes on the European Union in Turkey', *Journal of Southern Europe and the Balkans* 5 (2): 205-22.
- Huntington, Samuel (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster.
- Jung, Dietrich and Piccoli, Wolfgang (2001) *Turkey at the Crossroads*. London: Zed Books.
- Keyder, Caglar (1993) 'The Dilemma of Cultural Identity on the Margin of Europe', *Review*: winter.
- Keyder, Caglar (1997) 'Whither the Project of Modernity? Turkey in the 1990s', in S.Bozdogan and R.Kasaba (eds), *Rethinking the Project of Modernity in Turkey*. Seattle: University of Washington Press.
- Keyder, Caglar (2005) 'A History and Geography of Turkish Nationalism', in F.Birtek and T.Dragonas (eds), *Citizenship and the Nation-State in Greece and Turkey*. London: FrankCass.
- Onis, Ziya (2003) 'Domestic Politics, International Norms and Challenges to the State: Turkey-EU Relations in the Post-Helsinki Era', in AH Carkoghi and Barry Rubin (eds), *Turkey and the European Union: Domestic Politics, Economic Integration and International Dynamics*. London: FrankCass.
- Poulantzas, Nicos (1975) *The Crisis of the Dictatorships: Portugal, Greece, Spain*. London: New Left Books.
- Sjursen, Helene (2000) 'Why Expand? The Question of Justification in the EU's Enlargement Policy', *ARENA Working Papers*, WP 01/6.
- Sofos, Spyros A. (2000) 'Reluctant Europeans? European Integration and the Transformation of Turkish Politics', *South European Society and Politics*, 5 (2); autumn.
- Tally, James (2002) 'The Kantian Idea of Europe: Critical and Cosmopolitan Perspectives', in Anthony Pagden (ed.), *The Idea of Europe from Antiquity to the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press.